

Всероссийская олимпиада школьников по литературе
Муниципальный этап
11 класс

Аналитическое задание. Выполните целостный анализ прозаического или поэтического текста.

Константин Воробьев

У кого поселяются аисты

Тут ничего нельзя было поделаться. И потому что бабке шел семидесятый и она доводилась матерью его помершему отцу, и потому что жили бедно — в колхозе работала одна мать. Перед тем как кормить кур, бабка выходила во двор и шугала и шугала, и все воробьи и голуби разлетались куда ни попало. Где ж им было завестись в ихнем дворе! Тут ничего нельзя было поделаться. А у всех по лету хоть что-нибудь, да велось. У Кузряхи — скворцы на осине, у Макеевых — воронки под окном...

И, отправляясь в школу, Костик Мухин уже с конца зимы каждый раз давал кругалю: за их огородной соткой, недалеко от электрической мачты, стоял дуб. Бабка говорила, что он их, мухинский, хотя и числится давно в колхозе. Ну и хорошо, что числится. Грачам-то еще лучше. Кто б их там шугал? А из того хвороста и куриных перьев, что складывал Костик под дубом, можно было свить не два и не три гнезда, а целую облепиху!

Но грачи облетали дуб стороной.

В такое время — конец марта — у бабки совсем пропадал сон. С полночи она уже принималась шастать по хате и бубнить не то молитву, не то какой заговор над Чибачихой. Это их черная наседка. Во всей деревне ни одна курица не выводила в такую рань цыплят, как она. Зимой почти. И всегда ночью или на заре. Сперва внутри яиц что-то тюкается. Чуть слышно. Это проклюнуваются цыплята. Сами. А Чибачиха тогда надувается и так кряхтит, что аж самому становится трудно. Она, наверно, думает, что рождает цыплят. Несмышленная. Птица ведь.

Цыплята — все одно, что вербные кытички, или почки по-правильному. С ними и минуты не вытерпишь, чтоб не взять на руки и не погладить. А им много надо, что ли? Зажмуриваются после этого и лежат... Потом они отживали, конечно. В решете на окне, где солнышко. Бабка дня два только и делала, что кормила их там крутым желтком. А от этого и любой выздоровеет...

Снег всегда таял потихоньку, а в тот раз туман и буря согнали его за одну ночь. Тогда-то и сломался дуб. Кто ж теперь приживется на нем!

Но недели через две — уже по теплыни — над дубом большими кругами заходили аисты. Два. Костик увидел их из окна хаты, и, когда выбежал на крыльцо, аисты совсем спустились к дубу. На метр прямо. А не сели. Сделали еще три круга и полетели за электролинию к болоту. Не

понравился, значит, дуб. Обломух потому что. Зря только торчит... Мог и весь теперь свалиться...

Все ж на второй день аисты появились над дубом опять. Тот, у которого крылья были с широкими, черными полосами, сел первым. Ничего не побоялся. Самец потому что. А аистиха не села, хотя он минут пять трещал клювом и приседал. Звал. Она покружилась-покружилась и улетела к болоту. А он с полчаса на одной ноге стоял. Думал, может, как быть дальше. А потом тоже улетел. Все-таки аистиха жена ему, хоть она и птица из породы голенастых. Да и дуб обломух...

Аист решил, видно, настоять на своем. И правильно. В обед он принес сразу две длинные палки и уложил их на дубу крест-накрест. Фундамент делал к гнезду. Что ж он мог больше! И во второй раз он тоже вернулся с двумя палками. В болоте брал. В грязи все были. Костик потом их видел, когда они упали с дуба вместе с теми двумя. Скользкие потому что. А дуб ведь сломан. Неровно же там...

Аист почти до самого вечера простоял на дубу. Думал о чем-то.

Конечно, макушку можно было и подровнять. Пилой. Так все одно палки б сыпались. Тут надо было придумать что-нибудь другое. Чтоб помочь и не отвалить. А это только через бригадира Василь Палыча приходилось, потому что все, какие ни на есть, старые колеса он прятал в колхозный сарай. Для хозяйства. Но разве он сам не схотел бы приманить колесом аистов? Еще как! Только проговорись. У него, будь здоров, какая липа во дворе!

Поэтому и пришлось ждать почти до ночи. Колесо же не обязательно было уносить. Катить можно. По огородам. Тяжелее было очутить его на дубу. Веревки потому что узловатые. И темно...

Аист прилетел утром, с хворостиной. И как начал трещать! Фундамент увидал! И в обратный раз пригнал аистиху. Показать. Она села на колесо, пригнулась зачем-то, а потом подошла к аисту и положила голову ему на шею. Мирилась...

Бабка вскоре говорила про гнездо, что такой кучи хвороста ей бы на целую неделю хватило. Печь топить. А кто б его снял? Сама, что ли? Там ведь уже яйцо лежало! Одно пока. Костик лазал смотреть на него, когда аисты летали на кормежку. Лежи-ит! А величиной с три куриных...

Бабка думает, что только людям одним бывает трудно. А другим всем на свете так это — ничего... Костику даже вспоминать не хочется, как все это случилось с аистихой. Может, ей второе яйцо захотелось тогда поскорее снести. А может, к этому первому торопилась. Но только она нечаянно заплуталась крыльями в электрических проводах и... убило ее током. Два дня простоял аист в гнезде на одной ноге. Как каменный. Не ел и не пил. Горевал... И лишь на третий день полетел к болоту. Костик следил за ним с берега из кустов. А что толку? Он и там все время стоял на одной ноге. Один. Это только Костиковым глазам казалось, что с ним второй такой же аист стоит...

Трудно тогда было. И ничего не придумывалось с яйцом. Куда его деть? Под Чибачиху подложить? А бабка? Разве ж она позволит! Да и аист мог сразу улететь куда-нибудь...

И все одно плохо не бывает долго на свете. Все одно когда-нибудь наступает хорошо, если всем ждать, дома это тоже часто бывает. И этого нету, и того нету. А как начнут тогда бабка, Костик и мать хотеть и ждать втроем, так все потом и приходит, чего не было...

Так и с аистом. Дней через шесть ему повстречалась другая аистиха. В болоте. И откуда она там появилась! Красивая. Высокая. Ноги тонкие, красные. И начали они там гулять вдвоем. Аист уже не стоял все время на одной ноге. Бегал теперь. Лягушек искал. Найдет, подкинет вверх, словит, положит возле нее и как затрещит клювом! Ожил. Перед тем как разлетаться из болота, аист опять поджимал одну ногу и вытягивал шею к аистихе. Жаловался, может. Или уговаривал ее лететь с собой. Гнездо-то готово. Где же еще она такое найдет!

И она согласилась...

Потом все было хорошо. Аистиха снесла три яйца. И то, первое, было целое. Четыре, значит, уже стало!

Аистята вывелись в один день. Четверо. Смешные. Почти голые. А ноги, как карандаши. И сразу же аистиха оказалась неправильной. Выбросить захотела того, четвертого. Аист, наверно, чуял такое дело. Не улетал надолго. Принесет несколько лягушек и станет на краю гнезда. Чтоб караулить. Сын все же. От первой жены... Да он мог и не волноваться. Костик ведь тоже караулил с длинной палкой из двух удочек. Чтоб грозить аистихе. Тогда она перестала кормить четвертого. Троим дает, а его отпихивает и клюет куда ни попало...

Сироте всегда трудно. Любому. А есть-то ему, небось, тоже хочется, как всем.

Лягушек лучше всего ловить в обед. Они в это время сидят поверх луж и перекликаются друг с другом. Только успевай хватать. И надо каких поменьше. Глотки-то у аистят узенькие еще. В первый раз Костик наловил их половину поросячьего ведра. Он опрокинул его прямо в середину гнезда, как только аистиха отлетела чуть подальше. И слез. А аистиха вернулась и сразу же начала клевать и отпихивать четвертого аистенка. Значит, не в том было дело, что лягушек всем не хватало. Полведра же теперь в гнезде лежало. Живых. Свежих. Просто не любила она его. Вот и все. Не свой потому что. Четвертый.

Может, тогда она и повредила ему левую ногу. Хромал. И за это Костик прозвал его Колькой. Калека потому что. Он уже давно питался лягушками из рук Костики. Только давай! По тринадцати штук съедал. Сразу. Аж потом раздувался. Остальные тоже получали. Если оставалось. А из гнезда его все же выпихнули. На самый край. Оттуда он и высматривал Костики. И даже бабку стал кликать, если видел ее во дворе с поросячьим ведром.

Ростом Колька с отца вырос. И такие же полосы на крыльях. Только летал он на болото совсем редко. Те остальные не принимали его. Не свой. Все лето он почти не отходил от Костика. Тот картошку окучивает — Колька сзади по борозде ходит. В кооперацию за солью пойдет — Колька по огородам туда ковыляет. И дело тут не в лягушках одних было. Это само собой. Просто нравилось, когда в глаз ему дуешь. И когда шею гладишь. И хромую лапу...

Еще задолго до отлетного времени Колька загрустил. Все, бывало, на небо смотрит. Ищет там кого-то. И даже Костика стал сторониться немного. Будто обижался за что-то. А за что? Разве Костик виноват, что Колька сирота? Дурак! Мог ведь и один лететь, если ему обязательно надо. Сзади всех. Что они ему? Только чтоб весной опять прилетал сюда. Никуда чтоб больше!..

И Колька так и сделал. Позади тех полетел. Один... Что ж тут можно было поделывать, раз ему так хотелось! Не привяжешь же его за ногу? Птица ведь... Вот если б лягушек ему можно было дать на дорогу... Какую-нибудь сумочку с ними привесить на шею... Небольшую... Чтоб не мешала... Да это только так, Костиково хотение одно.

Что произошло с ним в дороге, так и осталось неизвестным. Может, с двоюродными братьями подрался за что-нибудь. А может, с иными какими. Но только, когда на третий день вернулся назад, левый глаз у него почти не открывался. Затек кровью. И отчего-то ему все с левой стороны попадало! А что прилетел обратно — правильно сделал!

Дома всегда все подживает скорее...

Горе пришло разом с зимой. Какие ж тогда лягушки! Все под снегом. А есть ведь все равно хочется. И даже больше, чем летом. Конечно, без бабки Кольке перезимовалось бы легче. Ведь он все ел. И хлеб. И кукурузу. И сырое тесто прямо из дежки, если она была плохо прикрыта. Жил-то он в хате. Где же ему еще. В сенцах замерз бы в момент. Но что можно было поделывать, когда бабке все мало и мало было. Как будто сдохнет ее поросенок, если Колька склюет из его ведра штук пять картошек!..

Да это ничего. Трудности повсюду есть. Хуже стало потом. С половины зимы. Когда Чибачиху посадили на яйца. Колька сроду ее не трогал. На что она ему сдалась такая! Он только интересовался, что она там делает в кошелке под лавкой. Сидит и сидит, А Чибачиха переживала, когда он подходил. Такой крик поднимала, что долго не вытерпишь.

Снегу навалило в конце прошлой зимы — страсть одна! По огородам совсем нельзя было пройти. А Колька пролез. К школе прямо. Знал откуда-то, что Костик там. Конечно, он мог и лететь, но холод же был. А по улице не захотел идти. Собак боялся... Костик увидел его из окна. Стоит в снегу и сипит. Лапы аж позеленели. Клюв заледенел. Крылья распушились... Костик принес тогда его домой на плече. А бабка... Это она выгнала Кольку на снег. Укусил, говорит. За ногу. Как будто он собака, чтоб кусать! Он ее только клюнул. Может, и больно ей было, но ведь и Кольке не сладко от рушника...

Она ж его все время стегала... Мало ей все... Поросенка жалела... Чибачиху берегла...

***

Это рассказал мне сам Костик Мухин. Мы сидели на берегу озера. Далеко впереди, над сизой грядой леса, большим, пламенным крылом размахнулся закат. Какая-то птица пешком пробиралась через осоку у наших ног. Я ждал конца, а Костик молчал.

— Ну? — осторожно спросил я.

— Ничего больше,— шепотом сказал Костик. Он трудно и затаенно ревел без слез. В таких случаях нельзя утешать человека, и я спустился к осоке и вспугнул дикую утку. Она полетела над самой водой и нырнула на середине озера.

— Ну? — не оборачиваясь, снова спросил я.

— Дальше не надо!

Костик крикнул это как под болью, и я запоздало понял, что продолжать рассказ не нужно.

1961

Владимир Высоцкий

Аисты

Небо этого дня ясное,
Но теперь в нем броня лязгает.
А по нашей земле гул стоит,
И деревья в смоле, — грустно им.
Дым и пепел встают, как кресты,
Гнезд по крышам не вьют аисты.

Колос — в цвет янтаря, успеем ли?
Нет! Выходит, мы зря сеяли.
Что ж там цветом в янтарь светится?
Это в поле пожар мечется.
Разбредились все от бед в стороны.
Певчих птиц больше нет — вороны.
И деревья в пыли — к осени,
Те, что песни могли, — бросили.
И любовь не для нас.
Верно ведь? Что нужнее сейчас?
Ненависть. Дым и пепел встают, как кресты,
Гнезд по крышам не вьют аисты.

Лес шумит, как всегда, кронами,
А земля и вода — стонами.
Но нельзя без чудес — аукает
Довоенными лес звуками.

Побрели все от бед на Восток,
Певчих птиц больше нет, нет аистов.

Воздух звуки хранит разные,
Но теперь в нем гремит, лязгает.
Даже цокот копыт — топотом,
Если кто закричит — шепотом.
Побрели все от бед на Восток,
И над крышами нет аистов.

1967

Творческое задание.

Что значит сыграть роль? Что для этого нужно? Вопросы эти кажутся простыми... Наверное, никто из вас не скажет: для этого достаточно ясно и понятно произнести слова роли, изобразить чувства, переживания своего героя, показать какой он и т. д.

Сыграть роль — это значит создать на сцене или в кино живой и яркий характер человека и через его поступки, его мысли и чувства, его судьбу передать определенное отношение к жизни, выразить мысли, заключенные в произведении. Отсюда и возникают те задачи, которые стоят перед актером в работе над ролью.

Выберите прозаическое произведение русской литературы, которое особенно интересно именно вам. Назовите его и кратко поясните, почему именно это произведение вы выбрали.

Вспомните текст произведения. Выберите какого-либо героя этого произведения. Представьте, что по произведению снимается фильм или ставится пьеса. Напишите пять советов исполнителю роли этого героя.

Ещё раз соотнесите свои мысли с литературным текстом, проверьте фактическую точность предложенных сведений (верно названные имена героев, место действия, детали исторического фона и т.п.).

Не забудьте, что ваш ответ должен быть грамотным, выразительным и логичным.

Желаем успеха!